

«СОВЕТСКАЯ КИРГИЗИЯ»

ПЕВЕЦ, АКТЕР, ЧЕЛОВЕК

Мое первое интервью с народным артистом СССР Александром Павловичем Огнивцевым состоялось в салоне парохода «Комсомолец», причалившего в тихом заливе Постовского водохранилища, неподалеку от Москвы.

Вечер. Огни салона зыбким шлейфом расстилаются по воде. Звучит старенькое пианино. Сын пароходного механика Костя Золотарев, высокий юноша с копной черных волос, поет. Он волнуется и все время теребит свернутые в трубку ноты. Голос у Кости мягкий, бархатистый. Он поет днем и вечером, не может не петь. Он живет мечтой о сцене. Но теперь юноша особенно старается: его слушает Огнивцев.

Огромный, светловолосый, в легкой спортивной рубашке, он сидит в уголке и одобрительно улыбается. Но Костя устремил взгляд в широкое окно салона. Так ему, видимо, спокойнее.

Я смотрю на Огнивцева. Он слушает и, как мне кажется, думает о чем-то своем. Может, он вспоминает не столь уж давние времена, когда вот так же пел, не мог не петь, и не знал еще, что из этого получится. Александр Павлович подходит к пианино, расспрашивает юного певца, заставляет петь гаммы, а потом рассказывает нам о себе.

— В 1945 году я служил в армии техником связи. Как-то на вечере самодеятельности друзья попросили: «Спой, Саша». Как отказать? Ведь все знали, что я пою, хотя избегаю выступать. А тут решился. Думаю: спой арию Владимира

НАШИ ГОСТИ

Дубровского. Выхожу на сцену и... не чувствую ног. Еле выдавил из себя первые слова арии: «Итак, все конечно...» Собрался с мыслями уже за сценой, куда сбежал, не допев до конца...

Первой, кто разгадал дар Огнивцева, была пианистка Кишиневской консерватории Евгения Борисовна Сырб. Она и настояла на том, чтобы он серьезно взялся за учебу. А окончательный «диагноз» поставил профессор той же консерватории В. Г. Долев, когда услышал юношу, храбро исполнившего на экзаменах арию Руслана. Этот день определил жизненную дорогу паренька из рабочей семьи.

Начались годы учебы, и вот выпускника Кишиневской консерватории Александра Огнивцева принимают в труппу Большого театра. Наступает пора зрелой творческой работы.

Нетрудно представить себе чувства молодого человека, приехавшего из Кишинева в Москву. Здесь пели Шаляпин, Нежданова, Собинов, Пирогов, Карузо, Титта Руффо. Как нужна ему теперь помощь мастеров сцены. Какую благодарность он испытывает к Антонине Васильевне Неждановой и дирижеру Николаю Семеновичу Голованову. Это им обязан он своим успехом в день дебюта.

— Никогда не забуду свое первое исполнение роли Досифея в опере Мусоргского «Хованщина», — рассказывает Александр Павлович. — Остаются секунды до выхода на сцену. «Саша, пора», — раздается голос. Я иду. Первый, кого вижу, — Николай Семенович за дирижерским пультом. Он спокойно глядит на меня и взмахивает палочкой. И, удивительное дело, я чувствую себя увереннее.

Это было в 1950 году. С тех пор на сцене Большого театра Огнивцев создал четырнадцать классических басовых партий: царь Борис, плетущий цепочку интриг дон Базилло, закованный в латы ненависти к своему сыну Филипп II, король Рене, Мефистофель, декабрист Бестужев, Иван Грозный, Пимен, Галицкий...

На сцене — Грановитая палата Московского Кремля. Глухие звуки погребального колокола падают во мрак зрительного зала. Умирает царь Борис.

В образе Бориса Годунова, преследуемого галлюцинациями-видениями убитого им маленького царевича, — с особой силой раскрылся не только певческий, но и драматический дар артиста.

Пришли признание, слава. Огнивцев стал лауреатом Государственной премии.

...В свете настольной лампы поблескивает клавиатура, на люлитре — ноты. Их много в этой комнате. Много и книг, журналов, рисунков, лапок с вырезками из газет, фотографий, магнитофонных записей. По ним можно проследить не только творческую биографию артиста, но и «географию» его поездок. Трудно назвать в нашей стране город, где бы не выступал Огнивцев. Пел он и в столицах многих стран, и в «храме» итальянской музыки — Ла Скала.

По моей просьбе Александр Павлович показывает письма слушателей. Рабочий одного из заводов Кузбасса пишет: «Ваше пение берет за душу...». Сельскую учительницу пение Огнивцева заставило вспомнить «тихий расцвет на волжских плесах, ясные линии вологодских кружев и прихотливую вязь хохломской росписи...». Эти народные образы действительно хорошо передают основные эмоциональные краски таланта Огнивцева, тонко чувствующего родную природу.

Он может вернуться из леса с пустым лукошком — «заслушался птиц... Заядлый рыбовод, он, случалось, прозевает поклевку и потом долго сокрушается: «Загляделся на облако, ведь какая была красота!». Однажды он показал мне свой фильм о цветах. Невольно подумалось: сколько же пришлось ему обойти лесных лужаек, оврагов, садов и парков!

Дома у Александра Павловича стоят необычные jardinières из березы. Он сам смастерил их. Эта «композиция» — кусочек русской природы, той самой «среды», которая питает живительными соками творчество артиста.

Певец полон новых замыслов. Романы советских и зарубежных композиторов, новые оперные арии. В скором времени мы увидим его в одной из главных ролей в опере Холминова «Оптимистическая трагедия», над постановкой, которой работает сейчас коллектив Большого театра.

В. АНДРЕЕВ.

(Журнал «Культура и жизнь», № 7, 1967 г.).